

А. Θ. КОНИ

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ

1868 — 1888

Обвинительныя рѣчи.
Руководящія напутствія
присяжнымъ.
Кассационныя заключенія.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1897

John B. Stetson, Jr
Philadelphia.

TRANSFERRED TO
HARVARD LAW LIBRARY

MAY 12 1922

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПАМЯТИ

НИКИТЫ ИВАНОВИЧА

КРЫЛОВА

Книга эта посвящена памяти профессора Московскаго университета *Никиты Ивановича Крылова*.

Для бывшихъ его учениковъ едва ли нужно объяснять—чѣмъ вызвано это посвященіе.

Тѣмъ же, кто не слушалъ Крылова, пусть дастъ о немъ хоть слабое и отдаленное понятіе—сказанное мною на его могилѣ, 29-го декабря 1879 года.

...«Прошло семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ наставникъ, которому мы собрались отдать послѣдній долгъ, оставилъ кафедру. На смѣну пришли новые люди; наука, которую онъ преподавалъ, ушла впередъ; послѣдніе изъ его слушателей уже успѣли многое пережить съ тѣхъ поръ, какъ предъ ними, въ послѣдній разъ, мелькнула своеобразная личность Крылова. А между тѣмъ несомнѣнно, что вѣсть о его кончинѣ, о томъ, что не стало «Никиты Крылова», искреннею скорбью отзовется въ сердцахъ его многочисленныхъ учениковъ и пробудитъ въ нихъ живое воспоминаніе о дорогихъ годахъ студенчества и о глубоко симпатичномъ образѣ ихъ профессора римскаго права. Можно съ увѣренностью сказать, что въ какую бы глушь ни забросила судьба однихъ, какое бы узкое самодовольство ни овладѣло другими, какой бы разладъ съ собою и съ жизнью ни угнеталъ душу третьихъ—для всѣхъ нихъ, при этомъ имени, съ яркостью дѣйствительности должна предстать одна изъ аудиторій новаго зданія университета и въ ней толпа слушателей, ждущихъ съ удовольствіемъ любимаго профессора; предстанетъ и онъ, этотъ профессоръ, со своею оригинальною головою, добрыми, смѣющимися глазами, съ лукаво-добродушною усмѣшкою и оживленною, полною образовъ и блестящихъ сра-

вненій, полуученою, полународною рѣчью, съ легкимъ удареніемъ на ъ,—рѣчью, передававшею яркими красками живое и богатое содержаніе...

«Крыловъ принадлежалъ къ той группѣ молодыхъ ученыхъ, которые, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, были посланы графомъ Сперанскимъ за границу и приглашены потомъ занять въ русскихъ университетахъ каѳедры, въ значительной степени до тѣхъ поръ замѣщенные иностранцами, стоявшими обособленно отъ русской общественной жизни и отъ задачъ русской науки. Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ ученыхъ — Крюковъ, Чивилевъ, Крыловъ и другіе — заняли каѳедры въ Москвѣ, внеся въ университетъ небывалое до тѣхъ поръ оживленіе и поднявъ общій уровень преподаванія на подобающую ему высоту.

«Крыловъ началъ читать въ 1835 году. Исторія римскаго права въ томъ видѣ, какъ онъ ее читалъ, не была сухимъ перечнемъ послѣдовательно развивавшихся правовыхъ формъ и институтовъ: это была полная и яркая картина всего политико-юридическаго роста римскаго государственнаго организма; каждое новое правовое понятіе или учрежденіе являлось результатомъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда факторовъ—религіозныхъ, экономическихъ, политическихъ,—и факторы эти очерчивались яркими и рельефными чертами. Римскій гражданинъ, во всей полнотѣ своихъ правъ,—этотъ «автократъ и автономъ», по выраженію Крылова,—особенно ему нравился. Онъ любовался имъ какъ художникъ. Изложеніе догматики римскаго права онъ велъ сравнительно съ германскимъ и русскимъ правомъ, стараясь прослѣдить, съ глубокою наблюдательностью и вдумчивостью, вліяніе cadaго римскаго института на дальнѣйшее развитіе права въ Европѣ, стараясь изучить и указать отдаленные слѣды его въ новѣйшихъ юридическихъ формахъ. Слушатели послѣднихъ годовъ его преподаванія, безъ сомнѣнія, не забыли его блестящихъ очерковъ наслѣдственнаго права и, особенно, теоріи сервитутовъ.

«Все, что говорилъ Крыловъ съ каѳедры, было всегда связано съ явленіями русской жизни и примѣняемо къ ней въ рядѣ примѣровъ и сравненій, нерѣдко очень глубокихъ, всегда очень остроумныхъ. Предъ слушателями былъ не кабинетный ученый, преподающій отвлеченное отъ современной жизни знаніе,—предъ ними былъ живой человѣкъ, любившій свое, родное, вѣрившій въ его способность къ совершенствованію на пути правового развитія и никогда не забывавшій ни этой любви, ни этой вѣры, уходя въ

далъ прошедшихъ вѣковъ и чужихъ учреждений. И слушатели это понимали. Они охотно забывали замѣчанія знатоковъ, что Крыловъ *отсталъ* въ мелочной разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ своей науки, въ чемъ бывший ученикъ Савиньи самъ нерѣдко прямодушно сознавался, указывая на невѣрность своихъ прежнихъ взглядовъ; они не хотѣли помнить, что ему были однажды,—и притомъ въ формѣ, весьма его оскорбившей,—указаны нѣкоторыя его техническія и филологическія ошибки,—они помнили, они видѣли, что предъ ними человекъ, любящій то, о чемъ онъ говоритъ, чувствующій то, что онъ высказываетъ, и связывающій ихъ съ собою невидимою, но живою нравственною связью. Они наполняли его аудиторію, съ любовью записывали его лекціи, съ особеннымъ вниманіемъ издавали его записки (одно изданіе было даже съ его портретомъ) и, выслушавъ на послѣдней лекціи горячее, сердечное напутствіе его въ предстоящую жизнь трудовой разработки и примѣненія права, провожали своего «Никиту» съ глубокимъ и нѣжнымъ уваженіемъ.

«Послѣ труднаго и подчасъ весьма строгаго экзамена у Крылова, слушатели его расходились по разнымъ житейскимъ дорогамъ. Но когда проходили годы, стиравшіе подробности знаній, вынесенныхъ изъ университета, и приходилось вдругъ встрѣтиться на практикѣ съ коренными вопросами права, эти вопросы не представлялись чуждыми или неясными. Основныя понятія права, отличительные признаки отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ оказывались не забытыми, и не забытыми потому, что жили въ памяти, намѣченные въ твердыхъ, художественныхъ, незабываемыхъ образахъ—Крыловымъ. И возставалъ въ памяти его собственный образъ, какъ возстаетъ онъ теперь предъ нами, въ настоящую скорбную минуту,—и къ уваженію присоединялось чувство искренней благодарности наставнику, чувство, диктовавшее въ день св. Татьяны (основаніе университета) сочувственныя телеграммы старому профессору изъ разныхъ уголковъ Россіи.

«Миръ праху твоему, нашъ дорогой, талантливый учитель! Хотя давно замолкла твоя рѣчь на кафедрѣ, но горько думать, что тебя нѣтъ *совсѣмъ*, что въ день университетскаго праздника ты не задумаешься болѣе, въ твоёмъ тихомъ московскомъ уголкѣ, надъ привѣтомъ твоихъ бывшихъ учениковъ...»

Обнародованіе въ 1864 году судебныхъ уставовъ было встрѣчено Крыловымъ съ сердечною радостью. Онъ видѣлъ въ новыхъ

судебныхъ учрежденіяхъ стройную организацію для «отысканія и присужденія», какъ онъ выражался, «правды *жизненной* взаимѣнъ правды *приказной*»; онъ особенно пытливо вглядывался въ будущій складъ новаго уголовного процесса, а когда уставы были введены въ дѣйствіе — живо интересовался дѣятельностью своихъ слушателей на судебномъ поприщѣ.

Вотъ почему одинъ изъ такихъ слушателей, собравъ воедино отголоски своей дѣятельности на этомъ поприщѣ, съ благодарнымъ чувствомъ обращается къ памяти Крылова и ставитъ его имя на первой страницѣ настоящей книги.

А. Кони.

Докторъ уголовного права, почетный членъ Московскаго и Кавказскаго юридическихъ обществъ.

С.-Петербургъ.

1888

1897

Въ настоящее, третье, изданіе сборника судебныхъ рѣчей, въ свое время напечатанныхъ въ отчетахъ газетъ о судебныхъ засѣданіяхъ, вошли—пятнадцать *обвинительныхъ рѣчей* по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и двѣ по дѣламъ безъ участія присяжныхъ,—три *руководящихъ напутствія* присяжнымъ по наиболѣе сложнымъ дѣламъ и восемь *заключеній* оберъ-прокурора уголовнаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената. Обвинительнымъ рѣчамъ и напутствіямъ предпослано сжатое изложеніе существенныхъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ для преданія суду и тѣхъ видоизмѣненій и осложненій, которыми сопровождались эти данныя при разсмотрѣніи ихъ на судѣ. Въ концѣ помѣщены — *алфавитный указатель* толкованій и объясненій, нашедшихъ себѣ мѣсто въ судебныхъ рѣчахъ, а также указатель *статей закона*, на которыя сдѣланы въ нихъ ссылки.

Судебныя рѣчи, отчеты о которыхъ появились послѣ 1888 года по 1896 годъ, собраны въ первомъ отдѣлѣ вышедшей въ 1896 году книги—«*За послѣдніе годы.—Воспоминанія и сообщенія. Судебныя рѣчи. Юридическія замѣтки.*»

ОБВИНИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ.

I.

По дѣлу объ утопленіи крестьянки Емельяновой ея мужемъ.

6-го ноября 1872 года въ С.-Петербургскомъ Столичномъ Съѣздѣ Миловыхъ Судей состоялся приговоръ, которымъ служащій номернымъ при баняхъ купца Соловьева, на Маломъ проспектѣ Петербургской стороны, крестьянинъ Егоръ *Емельяновъ* былъ присужденъ, за нанесеніе побоевъ студенту Смиренскому, къ аресту на семь дней. — Приговоръ этотъ былъ обращенъ къ исполненію 13-го ноября. — 14-го ноября, въ 10 часовъ вечера, Емельяновъ явился, вслѣдствіе сдѣланныхъ наканунѣ настояній полиціи, въ управленіе 2 уч. Петербургской части и въ одиннадцать часовъ заключенъ подъ стражу при полицейскомъ домѣ этой части. Придя въ участокъ, онъ объяснилъ на вопросы окологочнаго надзирателя Григорьева, что его проводила жена, которая осталась въ коридорѣ участкаго помѣщенія. При этомъ другой окологочный, Фурыгинъ, замѣтилъ, что Емельяновъ былъ противъ обыкновенія красенъ.

На разсвѣтѣ 15-го ноября, на днѣ рѣчки Ждановки, протекающей невдалекѣ отъ бань, гдѣ жилъ и служилъ Емельяновъ, въ предѣлахъ мѣстности, занимаемой такъ называемымъ Кадетскимъ паркомъ, усмотрѣнъ трупъ неизвѣстной женщины, одежда которой всплывала на поверхность воды. Мѣстные жители признали въ ней жену Емельянова, Лукерью Фролову, а по осмотру и вскрытію тѣла ея оказалось, что смерть ей, — женщины лѣтъ двадцати отъ роду и крѣпкаго, здороваго тѣлосложенія, — послѣдовала отъ задушенія вслѣдствіе утопленія. Въ смерти Фроловой усмотрѣно было самоубійство, могшее послѣдовать, согласно объясненіямъ Емельянова, отъ грусти при предстоявшей ей семидневной разлуки съ недавно женившимся мужемъ, и тѣло Лукерьи было предано землѣ, при чемъ для присутствованія при ея похоронахъ Емельяновъ былъ отпущенъ изъ подъ стражи.

18-го ноября мѣстной полиціи было сообщено, что между прислугою, проживающей около бань Соловьева, въ домѣ Орловскаго, вдовы Юрьевой, идетъ «говоръ» объ утопленницѣ. Изъ произведенныхъ полиціею вслѣдствіе этого разспросовъ оказалось, что крестьянка Аграфена Сурина, живущая у Юрьевой, знаетъ, что Лукерья Фролова не утопилась, а была утоплена своимъ мужемъ вечеромъ 14-го ноября.

При началомъ затѣмъ слѣдствія обнаружилось, что Емельяновъ, служа

у купца Соловьева въ баняхъ, вступилъ въ связь съ проживавшею въ услуженіи у Юрьевой Аграфеною Суриною. Связь эта, несмотря на то, что, по словамъ Суриной, Емельяновъ обходился съ нею «дерзко» и «какъ палачъ» — продолжалась два года и была извѣстна всѣмъ окружающимъ. Какъ сосѣди — Емельяновъ и Сурина имѣли возможность часто встрѣчаться. Емельяновъ, — по словамъ приказчика бань Сазонова, — человѣкъ своенравный и, будучи «больно озорнымъ», съ другими молодцами при баняхъ жить не въ ладу, но ничего никогда не пилъ и служилъ хорошо. Въ концѣ августа Егоръ Емельяновъ, неожиданно для Суриной, предложилъ вступить съ собою въ бракъ крестьянкѣ Лукерьѣ Фроловой, женщинѣ тихой, скромной и неразговорчивой сосѣдкѣ, Суриной, проживавшей въ томъ же домѣ, у артельщика Одинцова. Фролова согласилась послѣ увѣреній Емельянова, что онъ броситъ связь съ Суриною, при чемъ онъ, въ разговорѣ съ сестрою Лукерьи, призывалъ на себя проклятіе, если вновь сойдется съ Аграфеною. 5-го сентября было ихъ обрученіе, о которомъ узнала и Аграфена. Предъ вѣнчаніемъ, 6-го сентября, она явилась къ священнику церкви Николы Мокраго и заявила ему, что, бывъ два года въ связи съ Егоромъ Емельяновымъ, она имѣетъ препятствія ко вступленію его въ бракъ съ другою. Священникъ приостановился совершеніемъ бракосочетанія впредь до примиренія Аграфены съ Емельяновымъ, каковое и состоялось на условіи, что онъ уплатитъ ей 50 р. с., которые были имъ взяты заимообразно у приказчика Сазонова. На другой день послѣ брака Сазоновъ спросилъ Емельянова про новобрачную: «какова? стоила ли пятидесяти рублей?» на что тотъ отвѣчалъ: «да, стоила!» — По мнѣнію сестры Лукерьи, Марьи Фроловой, и по наблюденіямъ ея надъ бѣльемъ новобрачной и надъ ея предшествовавшимъ поведеніемъ, покойная Лукерья вступила въ супружество съ Емельяновымъ, сохранивъ свою дѣвическую чистоту. Первое время новобрачные жили согласно и не ссорясь; служба у Одинцова, Лукерья по вечерамъ уходила къ мужу въ бани, а чрезъ мѣсяцъ послѣ брака совершенно туда переселилась. Но уже чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, встрѣтись съ Аграфеною, Емельяновъ сталъ со слезами говорить ей, что жена ему не нравится, такъ какъ онъ «бралъ дѣвку, а вышла баба». Затѣмъ онъ сталъ уговаривать ее возобновить съ нимъ прежнюю жизнь. «Чего пристаешь ко мнѣ, Егоръ», отвѣчала ему Аграфена, — «я вашего закона нарушать не хочу». Но Емельяновъ, встрѣчаясь съ нею, постоянно продолжалъ просить ее возобновить прежнія отношенія, то угрожая ей, то обѣщая въ послѣдствіи на ней жениться. Наконецъ, она уступила его желанію и, 8-го ноября вечеромъ, сойдясь съ Емельяновымъ у Мытнаго перевоза, отправилась съ нимъ въ номеръ Зоологической гостиницы, гдѣ прежнія отношенія ихъ были возобновлены. Находясь вмѣстѣ съ Аграфеною въ номерѣ, Емельяновъ очень раскаявался, что измѣнилъ ей, женившись на Лукерьѣ. На другой день, объявляя Аграфенѣ, что ему предстоитъ сѣсть подъ арестъ на семь дней, онъ сказалъ ей, что безъ того не сядетъ, что *Лукерья у него болѣе не будетъ*. Съ этого же времени и отношенія Емельянова къ женѣ измѣнились. Лукерья стала жаловаться сестрѣ своей, что Егоръ грубо съ нею обращается, говоритъ и отвѣчаетъ на вопросы, по ея словамъ, «дерзко». Она подозрѣвала, что связь мужа съ Аграфеною Суриною возобновилась и поэтому довольно часто ссорилась съ нею и бранилась. Емельяновъ продолжалъ водиться съ Суриною, вызывая ее на свиданія по вечерамъ, когда жена уже спала, разговаривалъ съ нею на улицѣ и даже цѣловался при двухъ публичныхъ женщинахъ, которыхъ онъ приводилъ гостямъ въ номера. 14-го ноября Лукерья снова жаловалась сестрѣ на дурное обращеніе мужа, рассказывая, что онъ сталъ драться и въ ночь наканунѣ даже сказалъ ей: «тебѣ бы въ Ждановку», на что она отвѣчала: «какъ хочешь, Егоръ, но сама на себя я рукъ не наложу». По поводу предстоящаго ареста мужа Лукерья не грустила и отнеслась къ этому обстоятельству равнодушно. Вечеромъ 14-го числа

увидя Аграфену шедшую за молокомъ, Емельяновъ сказалъ ей, что идучи подъ арестъ, онъ зайдетъ къ ней, подъ предлогомъ прощанья съ сестрою жены, съ тѣмъ, чтобы она шла его провожать. При этомъ онъ прибавилъ, что жена также идетъ его провожать и что пойдетъ по набережной Ждановки. «Зачѣмъ по набережной?» спросила Аграфена. Емельяновъ не отвѣчалъ. Среди вечера въ бани пришла мать Емельянова и застала его играющимъ въ карты. Лукерья была тутъ же. На головѣ ея былъ надѣтъ бѣлый шерстяной платокъ, подаренный свекровью. Узнавъ, что сынъ долженъ идти подъ арестъ, мать Емельянова встревожилась и стала просить его дозволить проводить себя до участка. Сынъ не согласился и она ушла домой. Но дома ей не «сидѣлось» и она опять пошла въ бани Соловьева и вновь просилась у сына проводить его. Онъ отказалъ и, проводивъ мать до Большого проспекта, вернулся назадъ въ бани. Въ десятомъ часу Емельяновъ собрался въ участокъ и приказалъ женѣ идти себя провожать. Она исполнила это требованіе видимо неохотно и только послѣ того, какъ онъ раза три окликнулъ ее: «идешь что-ли?» она молча пошла за нимъ. Въ десятомъ же часу Емельяновъ постучалъ въ окно кухни г-жи Юрьевой, гдѣ Аграфена сидѣла съ кухаркою Анною Николаевою и шила платье и сказалъ: «выходи!» Потомъ онъ повторилъ свой зовъ и Аграфена одѣлась и ушла. На другой день новая кухарка, Дарья Гаврилова, служившая у Юрьевой и знавшая Сурина, приходя нѣсколько разъ въ прачешную, гдѣ послѣдняя стирала сѣлье, замѣтила, что она была какъ-то взволнована, точно помѣшанная. Аграфена не разъ спрашивала: — не видала ли она, Дарья, Лукерью и затѣмъ, наконецъ, спросила: не видала ли она, чтобы провезли утопленницу? Вечеромъ въ кухню пришла прежняя кухарка Анна Николаева и объявила, что Лукерью нашли въ Ждановкѣ и провезли въ часть. Всѣ были изумлены. Аграфена встрѣтила это извѣстіе хладнокровно и молча. На другой день, за обѣдомъ, Дарья потихоньку внезапно спросила Аграфену: «неужели она съ Егоромъ утопили Лукерью?» Аграфена долго запералась, но потомъ, сказавъ: «да! Егоръ тискалъ ее, а я поодаль стояла и вдругъ услышала, что Лукерья кричитъ»... и созналась Дарьѣ въ томъ, что Лукерью утопилъ Егоръ Емельяновъ, о чемъ она хотѣла объявить чрезъ недѣлю.

Аграфена Сурина, на разспросы судебного слѣдователя и въ судебномъ засѣданіи подтверждая признаніе, сдѣланное ею Дарьѣ, показала, что, вызвавъ ее изъ дому, Егоръ Емельяновъ вышелъ изъ воротъ первый и тотчасъ перебѣжалъ на набережную Ждановки. Она, Аграфена, пошла по другой сторонѣ, вдоль домовъ, и замѣтила, что Егоръ идетъ съ Лукерьею, у которой на головѣ былъ повязанъ бѣлый платокъ. Пройдя нѣсколько домовъ, Аграфена почувствовала страхъ и остановилась у дома Этингера, не рѣшаясь слѣдовать за Егоромъ, и вдругъ услышала крикъ Лукерьи, которая просила мужа пустить ее. Подбѣжавъ на крикъ, она увидѣла, что Егоръ барахтается на откосѣ набережной съ Лукерьею, схвативъ ее за горло. Испугавшись, Аграфена схватилась за обонхъ, но Егоръ крикнулъ ей, чтобы она не мѣшала, пригрозивъ, что и ей то же самое будетъ. Держа жену за горло, Егоръ спрашивалъ ее: — кому продала она свою честь? на что Лукерья отвѣчала, что никому не продавала. Стиснувъ женѣ горло, онъ повалилъ ее и потащилъ къ водѣ, приказавъ свидѣльницѣ поднять свою шапку. Дотащивъ Лукерью до низу, онъ сунулъ ее головою въ воду и сталъ руками придерживать голову подъ водою. Аграфена бросилась бѣжать, но онъ догналъ ее, взявъ шапку и, нанявъ за сорокъ копѣекъ извозчика до участка, подвезъ свою спутницу до Большого проспекта.

Егоръ Емельяновъ не сознался во взводимомъ на него обвиненіи и объяснилъ, что Аграфена говоритъ ложь, вымышленную ею вслѣдствіе ненависти къ нему за то, что онъ не женился на ней. Онъ отрицалъ также, что былъ въ связи съ нею послѣ брака съ Лукерьею и видѣлся въ Зоологической гостинницѣ 8-го ноября. Въ этотъ день, по его словамъ, онъ